скихъ средствъ соблюдена вездѣ неуклонно. Всегда всего болѣе Новгородцевъ занимался проблемой естественнаго права, какъ грозной и неподкупной морально-критической инстанціей надъ положительными законодательствами. Религіозно-преданный этой идеѣ отъ юношескихъ лѣтъ онъ былъ его благочестивымъ и молитвенно-сосредоточеннымъ жрецомъ. Во всѣхъ своихъ научныхъ трудахъ П. И. неотрадно доказывалъ, что центръ тяжести возрождающейся естественно-правовой идеи всегда лежалъ въ нравственномъ критицизмѣ, требовательномъ и непримиримомъ. Этотъ непоколебимый критицизмъ взываетъ тотъ голосъ нравственнаго сознанія, который ропщетъ и протестуетъ, который требуетъ отъ будущаго того, чего нѣтъ въ настоящемъ. Не произвольныя легенды о святой доисторической эпохѣ, не мечтательныя утопіи идеальнаго законодательства, разъ навсегда приходящаго для всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ, составляютъ истинное святое святыхъ естественно-правовой идеи. Эта здоровая безсонница непослушной совѣсти, эта нравственная непокорность нравственнаго чувства должны быть признаны явленіями религіознаго порядка. П. И. Новгородцевъ съ большимъ мастерствомъ доказывалъ всегда, что эта сила нравственныхъ построеній и ея твердость, естественно-правовыя надежды опирается на такой фундаментъ, который незыблемъ для временныхъ разочарованій и преходящихъ неудачъ. Какъ бы ни были для насъ тяжки и эти препятствія — въ служеніи высшему идеалу, въ сознаніи нравственнаго закона мы находимъ вѣрный путь къ освобожденію отъ прозаичной силы множественныхъ явленій и къ радостному признанію абсолютныхъ, т. е. истинно-религіозныхъ началъ.

Обоснованіемъ естественно-правовой доктрины, возрожденной, подобно легендарному Фениксу изъ пепла и праха позитивнаго недомысленія, служатъ для Новгородцева понятія самостоятельные выводы изъ нравственнаго евангелія Канта. Самый насущный и трепетный интересъ при изслѣдованіи этой безсмертной идеи долженъ былъ, по убѣжденію Новгородцева, перенесенъ съ докучно-схоластической проблемы объ условіяхъ правообразованія, занимавшей почти все вниманіе Савиньи, Пухты и ихъ преемниковъ, на вопросъ о самостоятельномъ значеніи нравственной оцѣнки бытія. Канть, въ глазахъ Новгородцева, даетъ неизмѣнимую опору этому стремленію истинно критическаго идеализма, утверждающаго самодержавное значеніе нравственнаго начала и разсматривающаго его независимо отъ историческихъ и соціологическихъ предпосылокъ. Къ соціологіи — молодой, недоразвитой, но модной наукѣ П. И. Новгородцевъ относился всегда съ нѣсколько высокомѣрнымъ предубѣжденіемъ. Онъ не называлъ ее въ отличіе отъ Лешевскаго, «убѣжденнымъ научнаго полусвѣтомъ», но онъ считалъ многіе изъ ея фантастически замѣчательныхъ выводовъ поспѣшно возвышающимися на зыбкомъ пескѣ. Разсвѣтленное теоретическаго и практическаго разума, отчетливо проведенное Кантомъ, позволяетъ установить строгій параллелизмъ нравственныхъ и теоретическихъ сужденій, позволяетъ полагать непоступкой лѣнь методологической чрезмѣрности. Сознаніе причинной необходимости наблюдаемыхъ дѣйствій и событій не устраняетъ нашего нравственнаго суда надъ ними.

Таковы краеугольныя положенія нравственной философіи Новгородцева, какъ онѣ служили въ настоящую среднюю часть его творческой жизни. Бываютъ холодные пристальные [illegible] науки обрывистыхъ догмъ, которые оказываются такими же хрупкими и ложными, какъ дерзкіе [illegible] горныхъ альпійскихъ пастуховъ, [illegible] свою гордость непоступчивости. Основные устои философіи Новгородцева были не такимъ, они всегда согрѣты и одухотворены непоколебимымъ пафосомъ философскаго познанія. Былъ великій подобно [illegible] блаженной [illegible] отъ [illegible] всегда искреннимъ и вносилъ въ [illegible] философское творчество [illegible] благодатную теплоту.

Въ двухъ послѣднихъ большихъ и полновѣсныхъ томахъ книгахъ «Кризисъ современнаго правосознанія» и «Объ общественномъ идеалѣ» Павлу Ивановичу пришлось пошлифовать свой приговоръ исторіи надъ [illegible] порожденіями упадочнаго скептицизма и надъ нѣкоторыми центробѣжными крайностями нравственнаго безвѣрія. Признаки, что всѣ современныя болѣзненныя сомнѣнія въ моральной и общественно-созидательной мѣщности права имѣютъ глубокійшіе нравственные корни въ новѣйшей пресуальной эволюціи и правовыхъ идей Новгородцевъ подвергъ строгой [illegible] пересмотру всѣ основныя политико-юридическія понятія нашихъ дней. Государство для высшей собирательной совѣсти — не послѣдній вожделѣнный идеалъ этической жизни, а средство, входящее, какъ частный солнечный элементъ, въ общій составъ нравственныхъ силъ. «Отъ государства требуютъ несравненно болѣе, въ него вѣруютъ гораздо менѣе». Теперь у европейскаго человѣчества нѣтъ политическаго идеала, могущаго возбудить всеобщій героическій энтузіазмъ. Подтверждая этотъ грустный общественно-психологическій фактъ, полнымъ профессоръ съ философской терпимостью истинного мудреца подходилъ ко всѣмъ самобытнымъ и промахамъ европейской культуры. До послѣдняго своего вздоха П. И. Новгородцевъ вѣровалъ въ человѣка и человѣчество, какъ вѣровалъ онъ все болѣе и болѣе и дѣятельно въ Бога міра и любви, Который правдою вѣдитъ и хоть не скоро человѣчеству, усталому и грѣшному, не скажетъ...

Валентинъ Сперанскій.

Печать.

Двѣ за десять до ужаснаго взрыва въ Софійскомъ соборѣ въ «Извѣстіяхъ» появилась передовая статья, въ которой сообщалось

о какихъ то поддѣльныхъ бланкахъ исполнительнаго комитета коминтерна сфабрикованныхъ въ Берлинѣ по заказу бѣлогвардейцевъ.

Напоминая объ этомъ сообщеніи «Дня» указываютъ, что тогда же «Rote Fahne» подняла шумъ вокругъ этой исторіи и жаловалась на

международнаго шпіона, открыто занимавшагося въ одну берлинскую типографію находящуюся на Литеръ штрасе 5 заказывать бланки и ИКИ въ количествѣ тысячи экземпляровъ.

Что же теперь оказывается. Именно [illegible] бланки и найдены были въ Болгаріи. И на этихъ поддѣльныхъ бланкахъ и призывалось къ возстанію на 15-е апрѣля. И

какъ разъ 14-го апрѣля товарищъ предсѣдателя болгарскаго ЦК компартіи устанавливалъ адскую машину на крышѣ собора для учиненія на другой день подложнаго тамъ взрыва.

Вотъ какъ работаютъ члены московской шайки.

•

Ларинъ выступалъ также и противъ совѣтскаго суда, доказывая настойчиво, на примѣрѣ нѣсколькихъ судебныхъ приговоровъ, что судъ совершенно оторвалъ отъ населенія. Теперь онъ печатаетъ извиненіе, ссылаясь на то, что отчеты о судебныхъ дѣлахъ напечатанные въ «Вечерней Москвѣ» и послужившіе ему примѣрами были выдуманы.

Редакція «Вечерней Москвы» сообщила мнѣ сегодня, что напечатанные въ «Вечерней Москвѣ» отчеты о судебныхъ дѣлахъ выдуманы репортеромъ «Вечерней Москвы».

Что за притча. Отвѣтственные красноармейцы изъ наилучше подобранныхъ частей пишутъ письма о несуществующихъ событіяхъ, репортеры даютъ отчеты о несуществующихъ дѣлахъ и т. д.

Тѣмъ не менѣе на своихъ выводахъ объ оторванности суда Ларинъ настаиваетъ и предлагаетъ ввести правильное выборное начало. Крыленко возмущенъ этимъ предложеніемъ народа Ларина.

Я не знаю, думалъ ли серьезно Ларинъ о томъ, что онъ здѣсь написалъ?

Что же такого преступнаго Ларинъ написалъ? На это Крыленко отвѣчаетъ

этого рода демократическая отрыжка болѣе всего опасна именно въ судебной работѣ.

«Гефи буржуазнаго демократизма» совѣтская власть страшится какъ чортъ креста.

Опасный прецедентъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, возвращенный Польшею совѣтской власти всенародный Усасъ осужденъ совѣтскимъ судомъ.

Усасъ былъ моимъ ближнимъ ученикомъ по Петербургскому университету, гдѣ я преподавалъ 23 года. Для меня никогда не существовало политическихъ или нашей различій между моими учениками. Я отдавалъ въ обществѣ такихъ какъ нихъ, какъ Усасъ. Это былъ широко образованный молодой человѣкъ, знавшій въ совершенствѣ нѣсколько языковъ и уже студентомъ показавшій блестящее перо. Его статьи для «Русскаго біографическаго словаря» были превосходны. Умственному развитію его соотвѣтствовала кристальная нравственная чистота: рано посвятивъ себя служенію Богу, о Бровиславѣ не терпѣлъ никакихъ двусмысленностей, весьма обычныхъ среди молодежи. Будучи горячимъ патріотомъ и католикомъ, онъ былъ высоко терпимымъ человѣкомъ и всегда говорилъ о необходимости тѣснаго единенія между русскими и поляками. Я поддерживалъ съ нимъ отношенія до самаго постигшаго его несчастья, — онъ всегда оставался такимъ: какъ христіанина его глубоко оскорбили раздѣленія въ православной церкви и онъ былъ возмущенъ статьей проф. Титлинова «Живая церковь». Лично я былъ ему многимъ обязанъ. Когда я, истратилъ всѣ свои сбереженія на печатаніе своей диссертаціи, попалъ прямо въ критическое положеніе, а брату моей бывшей жены приключилось спѣшно дѣлать операцію, то онъ одинъ пришелъ мнѣ на помощь. Тогда онъ былъ богатымъ человѣкомъ, но русская революція разорила его въ конецъ. Однако, до послѣдняго времени онъ тратилъ свои скромныя средства на помощь близкимъ и на книги.

Большевики были, конечно, заинтересованы въ устраненіи его, какъ крупной интеллектуальной и нравственной силы. Я былъ еще въ Россіи, когда началось это дѣло, и всѣ безпристрастные люди были убѣждены, что это провокація, въ томъ числѣ одинъ очень видный профессоръ, извѣстный своей ненавистью къ Польшѣ. Нечего говорить, что сов. власти ничего не стоитъ найти лжесвидѣтельницъ при томъ нравственномъ растлѣніи, которое тамъ царитъ. Къ тому же такія дѣла обыкновенно разбираются при закрытыхъ дверяхъ — слѣдовательно, послѣдняя тѣнь гласности уничтожена.

Проф. В. Стронскій.

Вѣчныя скрижали.

Изъ путевой книги 1911 г.

12 февраля, ночью, въ Портъ-Саидѣ.

Первая ночь на «Юнанѣ». Капитанъ сказалъ, что пойдемъ не сейчасъ, на Пейдеай будемъ не раньше, чѣмъ черезъ полчасика, и я чувствую себя въ той большой и покойной каютѣ уже какъ дома, хозяиномъ.

Вообще я пока очень доволенъ, вышло какъ разъ то, о чемъ мы мечтали тамъ въ Египтѣ, то есть о томъ, чтобы попасть на одинъ изъ тѣхъ пароходовъ, которые, будучи пассажирскими, ходятъ теперь въ качествѣ грузовыхъ по своей отсталости отъ современныхъ удобствъ, по слишкомъ ограниченному числу каютъ, по долгимъ стоянкамъ въ портахъ. «Юнанъ» довольно великъ, простъ и старъ, но чистъ, крѣпокъ, сидитъ глубоко, его каютами и помѣщенія пассажирскихъ помѣщеній расположены не на кормѣ, а на спардекѣ. Всѣ каюты, кромѣ двухъ нашихъ, пусты, — «вы будете какъ на собственной яхтѣ», пошутилъ капитанъ, принимая насъ въ видѣ исключенія на «Юнанъ». Онъ прибавилъ: «Только вамъ придется жить съ экипажемъ совсѣмъ по семейному, довольствоваться только тѣмъ, что готовитъ намъ, и только нашимъ обществомъ, а всѣ прочіе часы проводить въ одиночествѣ, — вѣдь мы круглыя сутки заняты». Но это-то мнѣ и нравится!

Капитанъ крѣпкій, полнѣющій бретонецъ, слегка похожъ на Наполеона Третьяго, по французски самодоволенъ и увѣренъ въ себѣ, но французскій предупредителенъ и вѣжливъ, но и холоденъ по французски, говоритъ любезности и остроты, но мѣняя выраженія лица, съ полнымъ и обиднымъ равнодушіемъ къ собесѣднику, особенно если собесѣдникъ иностранецъ. Діэ его помощникъ и младшій механикъ менѣе замѣтные фигуры. Механикъ старшій, — большой, грузный, усатый брюнетъ съ нѣсколько какъ бы простыми и изумленными глазами, — думаю, не дикъ, горячъ и отходчивъ. Остальные обитатели «Юнана» — докторъ, два повѣренка, подростокъ китаецъ для мелкихъ услугъ красавецъ такой, нѣсколько котелковъ и десятокъ матросовъ.

Мы перебрались на «Юнанъ» къ обѣду. И обѣдъ имѣлъ совсѣмъ [illegible] характеръ. По домашнему приготовлялось и кофе — не въ поварской, а въ столовой, собственноручно: молодой старшій механикъ, засмѣявъ и варилъ первый помощникъ, такъ называемый старшій офицеръ. Это было кѣйфомъ обѣда, нѣкоторымъ священнодѣйствіемъ. Послѣ обѣда всѣ разошлись, кто на вахту, кто спать передъ вахтой.

И пароходъ уже давно тишина. Тихо и на рейдѣ. Вотъ вторая склянка, — успокаивающій и слегка грустный звонъ, — бамъ-бамъ, бамъ-бамъ, — десять часовъ. Я выбралъ себѣ одну изъ трехъ каютъ всѣхъ каютъ-компаніи, — каюты на верхней палубѣ, меньше и будутъ въ тропикахъ жарче. У меня просторно и все прочно, на стѣнахъ нѣтъ. Есть даже настоящій письменный столъ, зеркалъ, прикрѣпленный къ стѣнѣ, и на немъ электрическая лампа подъ зеленымъ колпакомъ. Какъ хорошъ этотъ мирный свѣтъ, какъ свѣжъ и чистъ ночной воздухъ, проникающій въ открытое окно сквозь рѣшетчатую ставню, и какъ я счастливъ этимъ чистымъ, скромнымъ счастьемъ!

Суздальская древняя икона въ почернѣвшемъ серебряномъ окладѣ, съ которой я могъ не разлучать спутника, связуемая меня нѣжной и благоговѣйной связью съ моимъ родомъ, съ міромъ далекимъ и милымъ, гдѣ моя колыбель, мое дѣтство, моя молодость. — иконка эта уже висѣла надъ моей корабельной койкой. «Путь твой въ моряхъ и стезя твоя въ безднѣ...» Сейчасъ, благодарный я за эту лампу, и за эту тишину, и за то, что я живу, страстнымъ, любимъ, радуюсь, повѣнчаюсь. Тому, Кто незримо хранитъ меня на всѣхъ путяхъ моихъ своей милосердной волей, я лягу, чтобы проснуться уже на зеленой водѣ Канала, среди той самой пустыни, что есть какъ бы часть моего существованія, — такъ вошла она въ меня еще въ дни моей младенческой «Священной исторіи». Жизнь моя трепетное и радостное причастіе вѣчному и временному, близкому и далекому, всѣмъ вѣкамъ и странамъ, жизни всего бывшаго и сущаго на этой землѣ, столь любимой мною. Прости, Боже, сроки мои!

13 февраля. Суэцкій Каналъ.

Не слишкомъ, какъ связнымъ, — пошли раньше, чѣмъ предполагали, задолго до разсвѣта, когда крѣпко спалъ. Потомъ сталъ будить скрежетъ надъ головой, — это взадъ и впередъ пошла по верхней палубѣ рулевая цѣпь: Каналъ извилистъ, то и дѣло надо лавировать. Но вотъ же скрежетъ и усыпляетъ, усиливаю его до воображаемо и ощущеніе, что ты уже въ дорогѣ.

День облачный, мутный отъ сильнаго и совсѣмъ тѣплаго вѣтра. Къ полудню мы были уже далеко отъ Портъ-Саида, въ совершенно мертвомъ, отъ вѣка необитаемомъ пустынѣ. И долго провожала насъ слѣва, маячила въ мути пустыни и неба чуть видная, далекая вершина Синая и весь день прошелъ подъ его величавымъ и священнымъ знакомъ, былъ связанъ съ ощущеніемъ его близости, его ветхозавѣтнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣчнаго владычества ибо это вѣчно, вѣчно: «Азъ есмь Господь Богъ твой... Помни дни Господни... Чти отца и матерь твою... Не дѣлай зла ближнему твоему... Не желай достоянія его...»

Я гуляю по верхней палубѣ, сидѣлъ, читалъ, думалъ о многомъ и разномъ по за всѣмъ былъ Синай. Я смотрѣлъ въ туманную пустыню справа, въ сторону Египта, смотрѣлъ на пески впереди, но все время чувствовалъ тотъ почти жуткій въ своей древности и вѣчности. Образъ, что сопутствовалъ намъ слѣва, съ аравійской стороны, своей какъ бы повисшей въ неизмѣнномъ небѣ, надъ розоватой мглой, громадой. И это и страшило, какъ страшитъ все великое, и восторгало. Развѣ эта гора какъ всѣ горы на землѣ? Синай символъ. Синай связанъ съ тысячелѣтіями, несчетными мирами тѣхъ, что рождались на землѣ въ теченіе этихъ тысячелѣтій, узнавали с немъ съ младенчества, на первомъ порогѣ жизни, и до самой могилы жили (покорно или строптиво, грѣшно или свято, а все таки жили) подъ властью того, что запечатлѣно на немъ, на Синаѣ. Вотъ истинно незыблемый маякъ человѣчества, столпъ и основаніе его бытія, престолъ законовъ, ихъ-же безъ кары не преступишь!

Мысль объ этой незыблемости и о той связи, которую рождаетъ между людьми почитаніе синайскихъ скрижалей, вмѣненное въ одинаковую священнѣйшую обязанность милліонамъ людей, отзывается въ сердцѣ великимъ утѣшеніемъ. Да, уже пѣсчаныя тысячелѣтія, изъ вѣка въ вѣкъ, изъ часа въ часъ, изъ сердца въ сердце передается всѣхъ и вся равнющій и единящій завѣтъ: чти скрижали Синая. Сколько разъ человѣчество возставало на нихъ, дерзко требовало пересмотра, отмѣны ихъ велѣній, возлегало кровавыя схватки изъ-за торжества новыхъ заповѣдей, въ кощунственномъ бунтѣ плясало вокругъ золотыхъ и желѣзныхъ тельцовъ! И сколько разъ, со стыдомъ и отчаяніемъ, убѣждалось въ под-

Телеграммы.

Кабинетъ Пенлеве въ палатѣ.

(Продолженіе)

Націоналистъ Теттенже запросилъ о мотивахъ образованія кабинета, который по виду присутствія въ немъ Кайо, заслуживаетъ наименованія «боевого».

Пенлеве выступилъ съ отвѣтомъ авторамъ запросовъ. Онъ заявилъ, что намѣренъ говорить въ примирительномъ духѣ. Что касается приглашенія Кайо, въ составъ кабинета, то оно объясняется исключительно желаніемъ поставить надлежащаго человѣка на надлежащее мѣсто. (Возгласъ справа: не потому-ли вы приняли на себя руководительство военнымъ министерствомъ?). Пенлеве: можетъ быть вы еще не забыли, что я назначилъ Фоша и Петена и что въ Рашпало я въ качествѣ военнаго министра осуществлялъ директивы единаго командованія (бурныя одобренія слѣва).

Процессъ Кайо ликвидированъ амнистіей. Вообще къ политическимъ процессамъ нельзя примѣнять обычной мѣрки. Кайо не сомнѣвался въ побѣдѣ Франціи. Въ октябрѣ 1914 года онъ сказалъ, что послѣ сраженія на Марнѣ Францію можно считать спасенной, и что пора думать уже о нуждахъ послѣ-военнаго времени и подготовить высокій походный палатокъ. Это заявленіе Кайо въ 1914 году имѣло вліяніе на его приглашеніе въ кабинетъ (движеніе).

Вслѣдъ за Пенлеве говорилъ авторъ пятаго запроса Блэзо, выразившій желаніе поручить разъясненіе объ общей политикѣ кабинета. По его мнѣнію правительственная декларація только маскируетъ подлинныя цѣли кабинета Пенлеве.

Затѣмъ выступилъ Кайо. Появленіе его на ораторской трибунѣ привлекло вниманіе всей палаты. Онъ началъ свою рѣчь очень слабымъ голосомъ. На возгласы «громче! Громче!» — Кайо отвѣтилъ «Я отвыкъ говорить». Правая сейчасъ же начала прерывать его. Отвѣчая на возгласы, Кайо заявилъ, что онъ выступаетъ лишь въ качествѣ министра финансовъ и будетъ отвѣчать лишь на тѣ вопросы, которые касаются этой области.

Я не являюсь поклонникомъ положенія, — заявилъ Кайо, — но основные принципы моей финансовой политики сводятся къ полному избѣжанію инфляціи неизбѣжны. Авансы французскаго банка государственной казнѣ ни въ какомъ случаѣ увеличиваемы быть не могутъ. Бюджетъ на 1926-ой годъ будетъ внесенъ въ палату въ іюнѣ, и этотъ бюджетъ будетъ построенъ на основѣ полнаго равновѣсія доходовъ и расходовъ. Только по достиженіи такого равновѣсія можно будетъ приступить къ финансовому оздоровленію государства.

Депутатъ Фабри затронулъ въ своей рѣчи вопросъ о гарантіяхъ безопасности. Онъ требовалъ продленія оккупаціи Кельнскаго района и вѣдомства за Рейнской областью до полнаго осуществленія новой системы гарантій безопасности.

На эту рѣчь Эрріо отвѣтилъ заявленіемъ, что въ настоящій моментъ не представляется возможнымъ изложить положеніе дипломатическихъ переговоровъ по вопросу о гарантіяхъ безопасности, и что депутатъ Фабри не познакомъ въ дѣйствительное положеніе вопроса.

Бріанъ, выступившій вслѣдъ за Эрріо, подтвердилъ, что Фабри выступилъ въ неподходящій моментъ, такъ какъ въ настоящее время идутъ очень трудные и отвѣтственные переговоры. Сообщать подробности объ этихъ переговорахъ было бы неудобно, но Бріанъ все же считаетъ возможнымъ заявить, что важнѣйшимъ ручательствомъ безопасности Франціи является ея дружба съ союзниками.

Коснувшись роли Лиги Націй въ вопросѣ о гарантіяхъ безопасности, Бріанъ отмѣтилъ, что послѣ вступленія Германіи въ Лигу гарантіи безопасности и сохраненія мира сильно упрочатся. Однако нѣкоторыя крупныя государства все же и тогда останутся внѣ общей группировки и будутъ дѣйствовать противъ нея. Это создаетъ опасность грозы. По отношенію къ Германіи Франція должна принять всѣ мѣры предосторожности. Однако при этомъ она не должна возстановлять противъ себя общественное мнѣніе другихъ странъ.

Въ заключеніе палата приняла формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ, одобряющую премьеровъ и выражающую довѣріе кабинету. **За эту формулу перехода голосовало 304 депутата, противъ нея — 217.**

Цанковъ въ собраніи.

(Отъ собственнаго корреспондента.)

Софія, 21. 4.

Сегодня въ 3 часа дня состоялось открытіе Собранія. Публика на это засѣданіе допущена не была. Зданіе парламента окружено войсками. На трибунахъ находились лишь два представителя представительства Югославіи. Остальныя мѣста на трибунахъ были заняты національной милиціей.

По открытіи засѣданія предсѣдателемъ въ залъ вошли одиннадцать министровъ съ Цанковымъ во главѣ. У Цанкова на головѣ была черная повязка. Правая рука завернута въ полотенцо. Депутаты правительственнаго большинства восторженно привѣтствовали его. Военному министру Волкову тоже была устроена овація. Волковъ шелъ, опираясь на солдата. Повидимому, кромѣ нарушенія ранненій онъ получилъ также внутреннія поврежденія.

Многіе депутаты явились въ перевязкахъ. Всего присутствуютъ 178 депутатовъ. Коммунисты не явились, но соціалисты и члены крестьянскаго союза представлены въ большомъ количествѣ.

Президентъ Собранія Кулевъ въ своей вступительной рѣчи упомянулъ о взрывѣ въ Соборѣ и заявилъ, что это злодѣяніе является безпримѣрнымъ въ исторіи. Затѣмъ онъ предоставилъ слово Цанкову. Цанковъ говорить со своего мѣста. Вначалѣ рѣчь его была спокойной, но постепенно онъ разгорячился.

На мнѣ, сказалъ Цанковъ, лежитъ печальная обязанность доложить Собранію объ ужасныхъ событіяхъ, разыгравшихся въ Софіи, и сообщить о мѣрахъ, принятыхъ правительствомъ. Мнѣ стыдно, что въ Болгаріи могло совершиться такое позорное событіе; что нашлись болгары, рѣшившіеся совершить такое дѣло по порученію враговъ Болгаріи. Въ церкви погибло 140 мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Убито 14 генераловъ, которыхъ щадили пули враговъ. При этихъ словахъ депутаты поднялись со своихъ мѣстъ съ криками «слава».

Цанковъ, осушивъ слезы на глазахъ и продолжалъ патетически:

«Это измѣна, позоръ, ужасное преступленіе. Кому принесло пользу это покушеніе? Правительство стремилось работать въ примирительномъ духѣ. Однако отвѣтомъ ему было это злодѣяніе. На пятое распоряженіе объ амнистіи враги Болгаріи отвѣтили массовымъ убійствомъ.

Сдѣлавъ описаніе взрыва въ соборѣ, Цанковъ продолжалъ:

Когда я, окровавленный, вышелъ изъ церкви, я увидѣлъ генерала Волкова (ошибаемъ, ошибаемъ). Я обрадовался, что армія была спасена. Отъ имени отечества приношу благодарность всѣмъ, кто помогалъ раненымъ. Немедленно послѣ взрыва состоялось засѣданіе совѣта министровъ, и мы приняли всѣ мѣры для обезпеченія порядка и спокойствія. Я потерялъ своего ближайшаго помощника, личнаго секретаря.

Въ теченіе 30 лѣтъ наши враги стремятся уничтожить Болгарію. Они сдѣлали попытку нанести ей смертельный ударъ. Но Болгарія жива. Катастрофа не сломила ея. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ въ Болгаріи не можетъ быть никакихъ партій, кромѣ партіи спасенія отечества. Мы люди и можемъ дѣлать ошибки. Но теперь необходимо воздержаться въ теченіе двухъ мѣсяцевъ отъ всякой партійной борьбы. Теперь слово за арміей. Армія никогда не была партійной. Она всегда была настроена идеалистически. Насъ могутъ убить, но нельзя убить Болгарію. Наши преемники будутъ продолжать нашу работу. Мы просимъ парламентъ одобрить объявленіе осаднаго положенія.

Вслѣдъ за премьеромъ выступилъ министръ внутреннихъ дѣлъ Русевъ. Онъ сообщилъ подробности о результатахъ разслѣдованія. Затѣмъ говорилъ либералъ легальной оппозиціи Малинскій, представитель правительственной партіи Георгъ Василовъ и соціалистъ Заказовъ. Заказовъ заявилъ, что хотя его партія принципіально противъ осаднаго положенія на этотъ разъ она будетъ голосовать за правительство. Ораторъ крестьянской партіи тоже заявилъ, что его партія будетъ голосовать за объявленіе осаднаго положенія.

Собраніе одобрило всѣ мѣропріятія правительства и постановило продолжать обсужденіе бюджета.

Приговоръ по дѣлу коммунистовъ.

Лейпцигъ, 22. 4.

Только что вынесенъ приговоръ по дѣлу коммунистическаго чека. Скоблевскій приговоренъ къ смерти и къ 12-лѣтнему заключенію въ тюрьмѣ; Нейманъ — къ смерти и 8-лѣтнему заключенію въ каторжной тюрьмѣ; Пеге — къ смерти и семилѣтнему заключенію; Маргнеръ — къ 15-лѣтнему заключенію; Сонъ — къ 8-лѣтнему заключенію; Кеннгъ — Кеннгъ — къ 5 годамъ и 6 мѣсяцамъ; Диверъ — къ 5 г. и 1 мѣс.; Марія Лесниковъ къ 5 годамъ; Мейеръ — къ 6 годамъ; Гуммъ — къ 2 годамъ 9 мѣс.; Мейсъ — къ 3 годамъ; Гальпуль — къ 2 годамъ; Нуле — 2 годамъ 3 мѣсяцамъ; Интерфъ — 1 годъ; Мергнеръ Ж 1 г. 3 мѣс.; Зиль, Десникоф — 1 годъ.

Сверхъ того всѣ обвиняемые приговорены къ денежнымъ штрафамъ отъ 100 до 300 марокъ.

С. Штаты и СССР.

Лондонъ, 22. 4.

По свѣдѣніямъ «Morning Post» изъ Вашингтона государственный департаментъ сообщилъ посланъ Соединенныхъ Штатовъ въ Европѣ для ихъ освѣдомленія, что политика американскаго правительства по вопросу о признаніи совѣтской власти остается неизмѣнной и что только по выполненіи условій выработанныхъ государственнымъ секретаремъ Юмэ, можетъ быть поставленъ вопросъ о признаніи СССР.

Коммунисты въ Польшѣ.

Лодзь, 21. 4.

Прошлой ночью полиція обнаружила собраніе коммунистической молодежи, 6 человѣкъ арестовано. Взято много компрометирующихъ документовъ.

Аресты въ Виленщинѣ.

(Отъ собственнаго корреспондента).

Вильна, 22. 4.

Въ виленскомъ округѣ за послѣдніе дни арестовано 1358 человѣкъ по обвиненію въ принадлежности къ тайной организаціи. Большинство арестованныхъ литовцы.

Желѣзнодорожное крушеніе.

(Отъ собственнаго корреспондента.)

Варшава, 22. 4.

У станціи Розовъ на линіи Варшава — Краковъ прошлой ночью сошелъ съ рельсъ скорый поѣздъ, шедшій изъ Варшавы. Убитыхъ пока не обнаружено. Много раненыхъ. Крушеніе произошло въ томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣсколько недѣль тому назадъ сошелъ съ рельсъ краковскій скорый поѣздъ.

Терроръ въ деревнѣ.

Въ селѣ Многодѣтномъ Акмолинской губ. убитъ сельскій Яхоменко. Въ селѣ Нестеровка Екатеринославской губ. выстрѣломъ черезъ окно убитъ крестьянинъ-делегатъ Нестеренко.

номъ безсиліи своихъ попытокъ замѣнить своей новой правдой ту старую, какъ міръ, и до зависти простую правду, которая никогда, въ грозахъ и молніяхъ, возвѣщана была вотъ въ этой дикой и вѣчной пустынѣ со скалистыхъ синайскихъ высотъ?

Я сидѣлъ, смотрѣлъ и думалъ. Сильно дулъ въ лицо знойный вѣтеръ, тепло солнца, все скрывавшагося за легкими, слѣдовавшимися клубами облаковъ, грѣло меня, грѣло бѣлую сухую пальму. Вѣтеръ несъ безмѣрную, горячайшую пеструю пыль, съ мѣста на мѣсто пересыпая песчаные бугры и заносъ. Каналъ все съ тѣмъ-же безцѣльнымъ прилежаніемъ и упорствомъ, съ которымъ заносилъ онъ и каналы фараоновъ, давно погибшіе двѣнадцать домъ. Каналъ извивался, вода его зеленѣла то бѣлѣла, то арче въ зависимости отъ солнца, то заходившаго въ облака, то опять озарявшаго міръ тепломъ, свѣтомъ, радостью. Медленно проходили мимо засыпанные пескомъ пустарники, насаженные по песчаннымъ буграмъ вдоль Канала. Міръ былъ безгранично пустъ — ни единаго живого существа вокругъ, ни единаго жилья, кромѣ рѣдкихъ сторожевыхъ маяковъ, такихъ одинокихъ въ этомъ сѣро-желтомъ морѣ, со всѣхъ сторонъ тѣснимыхъ желтыми сугробами. Но казалось душа всего человѣчества, душа тысячелѣтій было со мной и во мнѣ. Мнѣ вспоминалось: «Не пожелай дома ближняго твоего, ни жены его, ни раба его, ни осла его...» И меня охватывало умиленіе. Какая пастушеская наивность выраженій! «Ни раба его, ни осла его». Но какъ это трогаетъ и радуетъ, — то, что человѣчество и до нынѣ сохранило въ полной неприкосновенности эти древнія наивныя формы заповѣдей! Мы и не подозрѣваемъ всей силы таинственнаго вліянія этой архаичности, ея понимѣнности и независимости отъ преходящихъ земныхъ условій. Она разрушитъ преграды времени, мѣста, національности, она говоритъ всѣмъ языкамъ людскимъ только однимъ, только своимъ, только арамейскимъ языкомъ, и изъ тысячелѣтія, въ тысячелѣтіе миранды самыхъ разноплеменныхъ человѣческихъ душъ, начинающихъ свое земное существованіе, младенческими голосами внушающихъ себѣ и другимъ для всѣхъ равно обязательные синайскіе законы, твердятъ только этотъ языкъ: не раба его, ни осла его.

Я сидѣлъ и думалъ: все такъ оно есть въ мірѣ, — нѣчто незыблемо-священное. Въ гигантскомъ человѣческомъ таборѣ, который стремится, не взирая на всѣ свои блужданія, все таки впередъ, въ какую-то обѣтованную землю, въ пустыню и шумомъ стаинъ, который катится въ низкой земной юдоли, а все таки у подножія вѣчныхъ горныхъ высотъ, кипитъ мелкая, будничная жизнь, царитъ человѣческое ничтожество, человѣческая слабость, убогая гордыня, злоба, зависть, и Божьи избранники, пророки, мудрецы не разъ содрогались въ этомъ таборѣ отъ ужаса передъ его мерзостью, въ отчаяніи дробили о камень скрижали Синайскаго Завѣта между человѣкомъ и Богомъ — и все таки снова и снова собирали раздробленное, снова воздвигали все тѣ-же самые уставы, ибо снова и снова гремѣли имъ изъ мглы и тучъ окруженныхъ высотъ все тѣ-же страшные, но и утѣшающіе, указывающіе спасительный путь глаголы:

— Вы видѣли, что Я сдѣлалъ съ Египтянами (за ало нихъ) и какъ носилъ Я васъ на орлиныхъ крыльяхъ (на крыльяхъ вѣчной мощи Моей)... Вотъ Я приходу къ вамъ въ густомъ облакѣ и молніяхъ (ибо омраченъ престолъ правды Моей и разгнѣвано сердце Мое): пусть слышитъ народъ, какъ Я буду говорить, и пусть повторяетъ навсегда...

Такъ, въ вѣчной Книгѣ Книгъ, такъ и сказано: навсегда. Младенческимъ бѣднымъ уставамъ, навсегда долженствующіе быть нашей вѣрой и нашимъ правиломъ не въ этомъ-то и сила ихъ. Пастушеской простотой звучатъ они, но въ простотѣ-то и вѣчность ихъ, подобная вѣчности вотъ этого неба (простого синѣющаго воздуха), вотъ этой земли (простыхъ песковъ и камня) Какая глубокая мудрость въ каждой строкѣ Синайскаго Завѣта!

«Что отца и мать твоя» — что казалось-бы, можетъ быть проще и бѣднѣе этихъ словъ? А между тѣмъ скорѣе солнце сойдетъ съ своего пути, чѣмъ потеряютъ они свою повелительную силу и свою святость, ибо во нѣмъ вѣковъ будетъ свято чувство рожденнаго къ родившимъ его, къ тѣмъ, которые всей силой своей любви сохранили его въ пору его слабости и беззащитности, то есть того состоянія, которое есть одно изъ наиболѣе трогающихъ нашу душу. Да и такъ-ли ужъ просто она, эта нѣжнѣйшая и прекраснѣйшая изъ заповѣдей? Она говоритъ: «отца и мать твоя» — и добавляетъ: «славы продолжись дни твоя». Къ чему оно здѣсь, это добавленіе о долготѣ дней? И о чемъ идетъ въ немъ рѣчь? О наградѣ отъ Бога за почитательность? Нѣтъ, смыслъ заповѣди гораздо сложнѣе и глубже. Она говоритъ: чувство связи, — а не можетъ быть связи безъ почитанія, — чувство единства съ родившими тебя, съ жизнью отцовъ твоихъ, расширяетъ твою собственную, личную, краткую жизнь; возвышая ихъ возлагая сыновнюю дань своимъ отцамъ, утружденнымъ жизненнымъ бременемъ, таинствомъ Бытія и любовью къ тебѣ, ты возвышаешь самого себя, то есть существо, во всемъ подобное имъ: ты ихъ порожденіе, ихъ плодъ, что-же древо, давшее плодъ, если пренебрежетъ быть и самъ достойнымъ почитанія, ибо не можетъ быть плода добраго съ недобраго древа; единая жизнь совершаетъ свое таинственное странствованіе черезъ тѣла наши, — стремись-же ощущать это единство и благоговѣй: въ немъ твое безсмертіе (долгота дней) и — самоутвержденіе.

А заповѣдь о достояніи? «Не пожелай дома ближняго твоего, ни жены его, ни раба его, ни осла его, ниже всякаго достоянія его...» Какая опять какъ будто политика и, главное, спорная истина! Не пожелай! А я хотѣть желаю и желаю съ очень достаточными основаніями: «собственность есть кража, и ужъ во всякомъ случаѣ ничего священнаго, ничего достойнаго синайскихъ высотъ я въ ней не вижу!» Но и тутъ только видимость простоты и легкой осязаемости. Нѣтъ, надо весьма немного подумать, чтобы понять всю вѣчность и глубину и этого синайскаго канона. Нѣтъ, сколько бы ни изрекала дерзкой человѣческая глупость, человѣческая зависть, оно поистинѣ священно, это достояніе ближняго моего, пріобрѣтаемое не всегда же случаемъ, а обычно цѣною не только всей его жизни, но и жизни нѣкаго его рода. И сосему трижды священна пальма, посаженная его отцомъ и потому никакъ не могущая быть общей; священъ колодезь, вырытый его дѣдомъ, то есть хранящій какую частицу дѣда, его труда, его мысли, его души и, значитъ, какъ бы даже нѣкое его безсмертіе, продолженіе, продленіе его земной жизни; священъ старый домъ, гдѣ мой ближній жилъ и хочетъ жить по-своему, во всей сохранности своей личности, своихъ особенностей, своего гнѣзда, и гдѣ онъ то и дѣло ощущаетъ, вспоминаетъ (то есть воскрешаетъ) себя то ребенкомъ, то отрокомъ, то юношей, то мужемъ, со всѣми своими былыми горестями и радостями, и кромѣ того чувствуетъ себя наслѣдникомъ, продолжателемъ всѣхъ тѣхъ традицій, всей той культуры, которая уже создана на мѣстѣ его дома... Какая кровь можетъ смыть вторженіе постороннаго въ это «достояніе», въ это святая святыхъ человѣка!

Ив. Бунинъ.